

Два мира, две системы

Неоперные ассоциации в связи с оперными театрами

Алексей Парин

Точка зрения зрителя всяческих взаимосвязей Валдис Гаевский, наверно, прав: в искусстве (или не искусстве) Большого театра я вижу нечто экзистенциальное, личное.

Я пишу это 5 марта 1993 года; через две недели, 18 марта, моему отцу исполнилось бы 90 лет, — здоровье у него было крепкое. Если бы свое пятидесятилетие встретил дома, а не в застенке.

До того, как стать «американским шпионом» и «врагом народа», отец выступал с трибуны Большого театра на юбилее Мечникова, ездил за границу вместе с Козловским.

Кроме судьбы отца, умершего при Брежневe и не дождавшегося внятной правды о сталинизме, на мое сегодняшнее восприятие влияет и детский миф Большого театра как высшего воплощения красоты и гармонии.

Всюду открытость и гласность, а в Большом брежневская выключенность и полуправа Сорн и

молот на занавесе — а на сцене во время празднования юбилея Шаляпина — наши нынешние «Рабочий и колхозница»: б. министр культуры СССР Н. Губенко и президент Российской академии культуры Л. Зыкина. Маркиза в сборочку, как справедливо заметил мой молодой коллега, дополняет атмосферу сельского клуба.

А иной атмосферы и быть не может, если, например, оперной труппой руководит Евгений Райков — один из самых некультурных певцов, которых терпела на себе сцена Большого, сделавший карьеру по партийной линии.

Вы думаете, я эстет и راгую за бельканто? Может быть, вы и правы, но тут я не только за красоту борюсь.

Лучше приведу пример другого мира и другой системы. Вы думаете, «оттуда»? Ошибаетесь: я имею в виду один наш театр, тоже б. императорский.

Угадали: Мариинский. Большой сияет колоннами в центре Москвы, три станции метро рядом, ГУМ, ЦУМ и Детский мир. Мариинский оказался вне досягаемости для радových зрителей, на задворках города.

Не буду перечислять все последние победы Мариинского и его сверхэнергетичного шефа Ватерия Гергиева. Попробую решить описание Машинского через образ:

во время Променадных концертов из партера убирают стулья, и, когда играет оркестр, когда певцы поют как следует, театр превращается в огромную чашу, в подобие дельфийского святилища, в музыкальный пуп если не Земли, то России. А Гергиев лукаво улыбается: «Если у нас сегодня получится, мы убедим вас в том, что это великая музыка». Убеждают, когда Галина Горчакова рыдает Гориславой, а Лариса Дядькова свищет и заисает в арии Рагмира, — неопцененная Мэрилин Хорн.

У Мариинского, между прочим, нет отдельной строчки в национальном бюджете, в отличие от Большого, о котором позаботился Ельцин. Или министр культуры. Или его заместители. Или...

Я, конечно, эстет, но сегодня не только о красоте говорю. О тяжелом наследии сталинского и брежневского режимов в самом центре Москвы. Когда началась перестройка, в ГДР, в центре Европы, с жадностью слушали наши эйфорические рассказы и не верили, что у них рано или поздно произойдет поворот к гласности — и в дальнейшем объединение Германии. А я, свидетель, подтверждаю, верю. Потому, несмотря ни на что, верю, что и в Большом рано или поздно на смену не искусству придет искусство.